
Святитель Григорий Богослов

Слово 32. О соблюдении доброго порядка в собеседовании и о том, что не всякий человек и не во всякое время может рассуждать о Боге

Поскольку вы пришли усердно и собрание многолюдно, а потому теперь самое лучшее время для работы, то предложу вам нечто для купли, если и не стоящее общего усердия, по крайней мере не недостаточное по моим силам. Ваше усердие требует большего, а мои силы предлагают среднее, и лучше предложить, что можно, нежели отказать во всем. Ибо и в Божественных и в человеческих делах равно не подлежит осуждению, кто чего-нибудь не мог, но подвергается ответственности, кто не хотел. Я - пастырь малый и бедный, даже другим пастырям (выражусь еще скромно) не угодный, по благомыслию ли и правому учению или по малодушию и спорам, не знаю этого, *Бог весть*, говорит божественный Апостол (1Кор.11:11), ясно же покажет день откровения и последний огонь, которым будут испытаны или очищены все наши дела; впрочем, попытаюсь, по мере сил, не скрывать дарования, не ставить подсвечника под спудом, не закапывать таланта в землю (что все, как часто слышу, ставят мне в вину, порицая мое бездействие, гневаясь на мое молчание), но наставить вас словом истины и сделать сообразными Духу.

С чего же начать мне назидание вам, братья? Каким словом почтить Подвижников, для которых установлено настоящее торжество? О чем сказать как о первом, или как о важнейшем? Что наиболее полезно для душ ваших? Или что всего благоприличнее настоящему времени? Это узнаем следующим образом: что в нашем учении всего превосходнее, присовокуплю, и всего полезнее? Мир. А что всего гнуснее и вреднее? Разногласие. Но предложив такой вопрос и дав на него ответ, спрошу еще раз: что всего более расторгло мир и что ввело разногласие? Спрошу для того, чтобы, как поступают с болезнями, пресекши причины, заградив или иссушив источники страданий, преградить их потоки и следствия, ибо невозможно хорошо узнать окончание, не исследовав правильно начала. Итак, хотите ли сами открыть и объяснить причину болезни, или предоставите мне, врачу и обнаружить, и излечить болезнь? Ибо я готов говорить желающим, а еще более готов слушать говорящих. Но хорошо знаю, что предоставите это мне; потому что, может быть, почитаете меня не худым врачом и не неискусным в целении душ. Итак, ошибочно ли, или правильно это ваше мнение обо мне, не подивитесь, если скажу слово странное. Хотя оно странно, однако же справедливо, как и я утверждаю, как и сами согласитесь, если потерпите выслушать до конца и не случится с вами того самого, чего не одобряю, то есть, по горячности, не встанете прежде окончания слова.

Причина этого неустройства - природная горячность и великость духа; впрочем, не простая пламенность и великость (я нимало не осуждаю той горячности, без которой невозможно успеть ни в благочестии, ни в другой добродетели), но твердость, соединенная с неблагоприятием, невежеством и злым порождением последнего - дерзостью, ибо дерзость есть плод невежества. Души слабые в отношении к добродетели и к пороку равно медлительны и неподвижны, они не склоняются много ни на ту, ни на другую сторону, у них такие же движения, как и у людей, страждущих оцепенением. А души твердые, если руководит и управляет ими разум, - великое приобретение для добродетели; при недостатке же знания и разума они то же самое и для порока. Так и коню надобно быть сильным и мужественным, чтоб мог он впоследствии одерживать победу на войне или на ристалище, но из него не выйдет ничего доброго, если не будет усмирен уздой и приучен к кротости многотрудным упражнением. И эта-то неразумная горячность большей частью расторгала члены, разделяла братьев, возмущала города, приводила в ярость чернь, вооружала народы, восстанавливая царей, священников против народа и друг против друга, народ против себя самого и против священников, родителей против детей, детей против родителей, мужей против жен, жен против мужей и всех, соединенных какими бы то ни было узами приязни, друг против друга, также рабов и

господ, учеников и учителей, старцев и юных, и она-то, презрев закон стыда - это величайшее пособие для добродетели, ввела закон высокомерия. И мы не только стали *каждое племя особо* (Зах.12:14), за что укоряем был древний Израиль, или Израиль и Иуда - две части одного народа и того малочисленного, но разделились в домах и тесных обществах, и как бы каждый сам с собой; разделились, говорю, мы - целая Вселенная, весь род человеческий - все, к кому достигло Божие слово. И многоначалие стало безначалием, и *сыплют кости наши в челюсти преисподней* (Пс.140:7). Надобно было, после того как одержали мы победу над внешними врагами, терпеть истребление друг от друга, подобно беснующимся терзать собственную плоть и не чувствовать, но радоваться злу более, нежели другие - миру, само бедствие почитать приобретением, и думать - этим истреблением *служим Богу* (Ин.16:2); надобно было разделиться и воспламениться разделением не похвальным, но предосудительным, пламенем не очищающим, но губительным. Ибо не острое слово - меч Христов (Евр.4:12) отделяет верных от неверных; ввергается и возжигается не огонь - истребляющая и поедающая вещество вера и горение духа; но мы поедаемся и рассекаемся противным прежнему образом. Это-то сделало, что единая Церковь стала иметь многие части, и произошло деление не между одним Павлом, или Кифой, или Аполлосом, или таким-то поливающим, и таким-то напояющим (1Кор.3:6), но открылось много Павлов, и Аполлосов, и Киф, и вместо того, чтоб именоваться от Христа - имени великого и нового, мы именуемся их именем и считаемся их учениками. И если бы одно это надлежало сказать! Напротив (что страшно и вымолвить), вместо одного Христа явились многие, рожденный, сотворенный, начавшийся от Марии, разрешающийся в то же, из чего произошел в бытие, человек не имеющий ума, действительно существующий, видимый; также и многие Духи, несозданный и равночестный, тварь, действие и голое имя. Должно ведать единого Бога Отца, безначального и нерожденного, и единого Сына, и единого Духа, имеющего бытие от Отца, уступающего нерожденность Отцу и рожденность Сыну, во всем же прочем соестественного и сопредельного, единославного и равночестного. Это должно знать, это исповедовать, на этом останавливаться, а лишнее пустословие и *скверные суесловия* (1Тим.6:2) предоставить людям праздным. Но что же побудило к этому? Горячность без разума и познания, ничем не удерживаемая, и плавание веры без кормчего.

Зная это, братья, не будем ленивы на добро, но станем гореть духом, чтобы не уснуть мало-помалу в смерть, или чтобы, во время нашего сна, враг не посеял худых семян (ибо леность сопряжена со сном); не будем и воспламеняться с безрассудством и самолюбием, чтобы не увлечься и не уклониться с царского пути. Иначе непременно впадем в одну из крайностей - или будем иметь нужду в побуждениях, по причине ленивости, или низринемся, по причине горячности. Займем у обеих, что есть в них полезного, у первой кротость, у второй ревность, а избежим того, что есть в них вредного, в первой - медленности, во второй - дерзости, чтобы не остаться бесплодными от недостатка и не подвергнуться опасности от излишества, ибо равно бесполезны и бездейственная праздность и неопытная ревность; одна не приближается к добру, а другая преступает пределы и делает что-то правее правого. Хорошо зная это, божественный Соломон говорит: *не уклоняйся ни направо, ни налево* (Притч.4:27), чтобы через противоположность не впасть в равное зло - в грех, хотя он же, в похвалу того, что по природе есть правое, говорит: *пути правые наблюдает Господь, а левые - испорчены* (ст.28). Каким же образом он хвалит правое, и сам опять отводит от правого? Очевидно, что отводит от правого, которое кажется таким, и не есть правое. Это имея в виду, и в другом месте говорит он: *не будь правдив слишком и не выставляй себя слишком мудрым* (Еккл.7:17). Ибо и для праведности, и для мудрости одно опасно - горячность в делах и слове, от излишества преступающая пределы совершенства и добродетели. Равно вредят и недостаток и избыток, как правилу прибавление и убавление. Поэтому никто да не будет ни мудр более подлежащего, ни законнее закона, ни блистательнее света, ни прямее

правила, ни выше заповеди. А этого достигнем несколько, если познаем мир, восхвалим закон природы, последуем разуму и не презрим благочиния.

Взгляните вверх, и посмотрите вниз (Ис.8:22), и размыслите, как и из чего составила Вселенная, чем была до своего устройства, и как называется она теперь. Все устраивалось по порядку, и устраивалось словом, хотя все могло быть произведено вдруг, как нечто единое. Ибо кто несуществующему дал бытие, а сотворенному - формы и очертания, тот не был бессилен вместе все и произвести, и устроить. Но для того считается одно первым, другое вторым, иное третьим, и так далее, чтобы в тварях был тотчас введен порядок. Итак, порядок устроил Вселенную, порядок держит и земное, и небесное, - порядок у существ умопредставляемых, порядок в вещах чувственных, порядок и у ангелов, порядок в звездах, в их движении, величине, взаимном отношении и светлости. *Иная слава солнца, иная луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе* (1Кор.15:41). Порядок в частях года и временах, которые чинно наступают и проходят, и своими промежутками смягчают свою крутость. Порядок в продолжениях и промежутках дня и ночи. Порядок - в стихиях, из которых тела. Порядок обвел небо, распростер воздух, подложил или наложил землю, разлил и собрал воедино влажное естество, пустил ветры, но не дал им совершенной свободы, связал в облаках воду и не удержал ее, но благовременно равномерно рассеивает по лицу всей земли. И все это не в продолжение краткого мгновения, не при одном случае и не в одно время, но от начала до конца, направлено и идет одним путем, хотя одно неизменно, а другое изменяемо, в первом случае относительно закона, во втором - течения. *Поставил их на веки и века; дал устав, который не преидет* (Пс.148:6), - вот неизменяемость; а что происходило, или произойдет, то - следствие течения. И как под владычеством порядка во всем устройстве и неизменная красота, так беспорядок и неустройство дали начало в воздухе бурям, в земле потрясениям, на море кораблекрушениям, в городах и домах раздорам, в телах болезням, в душе грехам. Все это - наименования не порядка или мира, но смятения или беспорядка. Да и то, всякому известное и всеми ожидаемое, разрушение, почитаю не иным чем, братья, как преумножением беспорядка; потому что порядок связывает, а беспорядок разрушает, если угодно бывает разрушать или преобразовывать Вселенную Тому, Кто связал ее воедино. Порядок узаконил и всем животным образ рождения, пищу и свойственное каждому место пребывания; никто не видал, чтобы дельфин рассекал бразды, чтобы вол нырял в воде и плавал, чтобы солнце убавлялось или возрастало ночью, а луна светила днем. *Высокие горы сернам, каменные утесы убежище зайцам. Сотворил луну для указания времен, солнце знает свой запад* (Пс.103:18.19). Ночь, - и человек связан сном, а звери получили свободу, и каждый ищет пищу, какую дал ему Творец; день, - и звери *собираются*, и человек спешит на *дело свое*, - так уступаем место друг другу в порядке, по закону и уставу природы!

Присовокуплю, что еще важнее и ближе к нам: порядок из смешения неразумного с разумным составил человека - животное разумное, таинственно и неизъяснимо связал перст с умом и ум с духом. И чтобы показать еще более чудес в своем творении, одно и то же и сохраняет, и разрушает, одно вводит, другое похищает, как в речном потоке, и смертному доставляет бессмертие посредством разрушения. Порядок отличил нас от бессловесных, соорудил города, дал законы, почтил добродетель, наказал порок, изобрел искусства, сочетал супружества, любовью к детям облагородил жизнь и насадил в человеке нечто большее низкой и плотской любви - любовь к Богу. И нужно ли говорить подробно? Порядок есть мать и ограждение существующего, и он один прекрасно бы мог сказать, что провещало все сотворившее Слово, если бы изрек так: *когда Вселенная осуществлялась и устраивалась Богом, Я был когда Он проводил круговую черту по лицу бездны, когда утверждалверху облака, когда основал землю, и когда укреплял источники бездны* (Притч.8:27.28), и *духом уст Своих даровал всю силу* (Пс.32:6).

Но к чему говорил я обо всем этом, и к чему давно поспешало мое слово? Порядок и в Церквах распределил, чтоб одни были пасомые, а другие Пастыри, одни

начальствовали, а другие были подначальными; кто составлял как бы главу, кто - ноги, кто - руки, кто - глаз, кто - иной из членов тела - для устройства и пользы целого, как низших, так и высших. И в телах члены не отделены друг от друга, но целое тело есть одно из различных частей сложенное; не у всех членов один образ действия, хотя и все одинаково имеют нужду друг в друге для дружного и взаимного действия. Так, глаз не ходит, но указывает путь; нога не смотрит, но переступает и переносит с одного места на другое; язык не приемлет звуков, ибо это дело слуха; ухо не говорит, потому что это дело языка; нос ощущает запахи; *гортань различает вкус пищи* (Иов.34:3), говорит Иов; рука есть орудие к тому, чтоб давать и принимать; а ум вождь всего: от него способность ощущать, и к нему возвращается всякое ощущение. То же и у нас - в общем теле Христовом. Ибо все составляем *одно тело во Христе*, а по единому Христу и один для *другого члены* (Рим.12:5). Один начальствует и председательствует, а другой водится и управляется; оба действуют неодинаково, если только начальствовать и быть подначальным - не одно и то же, но оба делаются одним во едином Христе, составляемые и слагаемые тем же Духом. И опять, какое расстояние между подчиненными, различающимися по образованию, упражнениям, возрасту! Какая разность между начальствующими! *И духи пророческие послушны пророкам* (1Кор.14:32). Не сомневайся в этом, потому что это говорит Павел. *И иных, сказано, Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, Пастырями и учителями* (1Кор.12:28); первых для истины, вторых для тени, третьих для соблюдения меры в пользовании и просвещении. И хотя Дух один, однако же дарования не равны, потому что не равны приемники Духа. *Одному дается Духом слово мудрости и созерцания; иному же слово разума или откровения, иному твердая и несомненная вера, иному дары чудотворения, иному пророчество, иному дары исцелений, вспоможения, то есть покровительства, управления, то есть обучения плоти, разные языки, иному истолкование языков* (1Кор.12:8-28), высшие и второстепенные дарования, по мере веры. Будем, братья, уважать и соблюдать этот порядок. Пусть один будет слух, другой - язык, иной - рука или что другое; пусть один учит, другой учится, а другой делает добро собственными руками, чтобы подать требующему и нуждающемуся. Пусть один начальствует и получает честь, а другой оправдывается своим служением. Учащий да учит благочинно, *и пророки двое или трое пусть говорят, и то порознь, а один изъясняй* (1Кор.14:27.29). Когда же другой получит откровение, тогда первый да уступит ему место. Учащийся да учится в повиновении, подающий да подает с добрым изволением, служащий да служит с усердием. Не все будем языком, всегда готовым, не все пророками, не все Апостолами, не все толкователями.

Говорить о Боге - великое дело, но гораздо больше - очищать себя для Бога, потому что в *лукавую душу не войдет премудрость* (Прем.1:4). Нам повелено *сеять в правду и пожать милость*, чтобы просветиться светом ведения (Ос.10:12). И Павел хочет, чтобы мы, по любви нашей к Господу, были познаны от Господа (1Кор.8:3), а через это познание и сами обучались (1Кор.13:13); и этот путь ведения считает он лучшим, нежели надменное мнение, которое кичится. Учить - дело великое, но учиться - дело безопасное. Для чего представляешь из себя Пастыря, когда ты овца? Для чего делаешься головой, когда ты - нога? Для чего берешься предводительствовать войском, когда ты поставлен в ряду воинов? Для чего гоняешься на море за великими, но сомнительными выгодами, когда можешь безопасно возделывать землю, хотя и с меньшим приобретением? И если ты о Христе муже (Еф.4:13), чувства у тебя обучены (Евр.5:14), и имеешь ясный свет ведения, то вещай Божию премудрость *между совершенными и тайную, сокровенную* (1Кор.2:6.7), и притом, когда откроется случай, и будешь на это иметь поручение. Ибо что имеешь сам от себя, чего бы тебе не было дано, или чего бы ты не получал (1Кор.4:7)? Если же ты еще младенец, если долу влачишься умом и не имеешь сил взойти к познаниям высшим, то будь коринфянином, питайся молоком. Для чего требуешь твердой пищи, которую члены твои, по немощи, не в состоянии еще употребить и сделать

питательной? - Говори, когда имеешь нечто лучше молчания, возлюби безмолвие, где молчание лучше слова; ты знаешь, что похвально *заповедать чин* устам (Притч.31:26); об ином говорить, иное только слушать, иное одобрять, а другое отвергать, но без огорчения.

Не знаете, братья, нашей скорби! Когда председательствуем здесь с величием и даем эти законы вам - многим, тогда, может быть, большая часть нас самих (что достойно слез) не знает, как взвешивается у Бога каждая мысль, каждое слово и дело, даже не только у Бога, но и у весьма многих из людей. Люди - медлительные судьи своих дел, но скорые истязатели дел чужих. Им легче извинить других в важнейшем, нежели нас в маловажном; и если в них будет еще невежество, то скорее обвинят нас в нечестии, нежели себя в посредственном незнании. Не знаете, какой дар Божий - молчание! Как хорошо не иметь необходимости во всяком слове, но пользоваться свободой иное избирать, а другого избегать, и быть для себя сокровищехранителем и слова, и молчания! Ибо всякое слово, по природе своей, гнило и удобоколеблемо и по причине сопротивного ему слова не имеет свободы; а слово о Боге - тем более, чем выше предмет, чем сильнее ревность и тяжелее опасность. На что же мы, утраченные, на что можем положиться, на ум ли, на слово ли, на слух ли, когда от всех трех предстоит опасность? Ибо постигать умом трудно, изобразить словами невозможно, а найти очищенный слух всего труднее.

Бог есть свет и свет высочайший, так что всякий другой свет, насколько бы не казался сияющим, есть только малая Его струя или рассеивающийся отблеск. Но Он, как видишь, попирает *мрак* наш. И *мрак сделал покровом Своим* (Пс.17:10.12), поставив его между Собой и нами, как и Моисей в древности полагал покров между собой и слепотствующим Израилем, чтоб омраченная природа не без труда видела сокровенную красоту, которую не многие достойны видеть, чтоб удобно получаемое не было скоро отвергаемо по удобству приобретения, но чтобы один свет входил в общение со Светом, непрестанно влекущим вверх посредством стремления к единению, и только очищенный ум приближался к Уму чистейшему, и чтобы одно открывалось ныне, а другое впоследствии, как награда за добродетель и за обнаруженное еще здесь стремление к этому Свету, то есть за уподобление Ему. Ибо сказано: *теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь я знаю отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан* (1Кор.13:12). Какое наше унижение! И какое обетование - познать Бога настолько, насколько сами мы познаны! Так сказал Павел, великий проповедник истины, учитель язычников в Вере, который наполнил обширный круг благовествованием, жил не для кого иного, как только для Христа, восходил до третьего неба, был зрителем рая, и для совершенства желал разрешиться (Фил.1:25). И Моисей едва видел Бога сзади из-за камня (что бы ни означали и Бога сзади и камень), - видел, после многих молитв и данного ему обещания, впрочем, не в такой мере, в какой желал видеть, но укрывшееся от его взора было больше виденного, - Моисей, говорю, бог фараона, вождь великого народа и показавший великую силу знамений! А ты кого напитал пищею с неба? Какую воду извел из камня? Какое море разделил жезлом? Какой народ провел по водам, как по суше? Каких врагов потопил? Кому указывал путь столпом огненным и облачным? Какого Амалика победил молитвой, воздеянием рук - издалека таинственно прообразуемым крестом, чтобы тебе почитать для себя великим ущербом, если не совершенно постигаешь Бога, и ради этого все приводить в замешательство и ставить вверх дном?

Поскольку упомянул я о Моисее, то из этого не вразумителен ли будет для тебя чин благодати и закон порядка? Ежели ты Моисей, то войди внутрь облака, разглагольствуй с Богом, внимай гласу, прими закон, будь законодателем. А ежели ты Аарон, то взойди с Моисеем, но стань вблизи, вне облака. Но ежели ты какой-нибудь Ифамар или Елеазар - третий после Моисея, или один из старейшин и семидесяти, то стань вдалеке и довольствуйся третьим местом. Ежели ты один из народа из простолудинов, то тебя не допустит к себе гора, даже и зверь, ежели к ней прикоснется, будет побит камнями. Тогда оставайся внизу и внимай одному гласу, и то соблюдишь от

осквернения и очистившись, как велено. И чтоб тебе многими путями дойти до познания, спрошу: кто из иереев *простер руки* (Исх.29:9)? Моисей. Кто первый был из посвященных? Аарон. И еще прежде этого: кто был *ему вместо Бога* (Исх.4:16)? И кто служил вместо гласа народу? Кто входил во Святая Святых, кроме одного? Да и он всегда ли? Нет, но однажды в год и в определенное время. Носил ли кто Скинию, кроме левитов? И они носили не так ли, как было установлено: одни - важнейшие ее части, другие - менее важные, смотря по достоинству носящих? И поскольку нужно было охранять ее, кто именно охранял и каким образом? Одни ту сторону, другие - другую, и ничто не оставалось неопределенным и неприведенным в порядок, даже касательно малейших частей. А у нас, если приобрели хотя малую славу, часто же и той не имея, если, как ни попало, заучили два или три изречения из Писания, и то не в связи и без должного разумения (такова наша скороспелая мудрость, этот Халанский столп, благовременно разделивший языки!), надобно уже высокоумствовать против Моисея и делаться Дафаном и Авироном - ругателями и безбожниками! Будем лучше избегать их наглости и не станем подражать их высокоумию, чтобы не иметь одного с ними конца!

Хочешь ли, представлю тебе другой порядок, порядок похвальный, порядок достойный, чтоб напомнить о нем и посоветовать его в настоящее время? Примечаешь ли, что из Христовых учеников, которые все были высоки и достойны избрания, один именуется камнем, и ему поверяются основания Церкви, другой больше других любим, и возлежит на персях Иисуса, прочие же не оскорбляются таким предпочтением? Когда Иисусу надлежало взойти на гору, чтобы в просветленном лице открыть Божество и обнаружить сокровенное в плоти, кто с Ним восходит? Ибо не все были зрителями этого чуда, но Петр, Иаков и Иоанн, которые и считались и были выше других. Кто был с Иисусом, когда Он находился в борении, уединялся незадолго перед страданием и молился? Опять они же. Но в этом видно предпочтение Христово, во всем же прочем видны благочиние и порядок, из чего же? Об одном спрашивает Петр, о другом Филипп, об ином Иуда, об ином Фома, об ином другой кто, и не все о том же, и не один обо всем, но каждый о чем-нибудь и в свою очередь. Может быть, скажешь: каждый о том, что ему было нужно. Но как покажется тебе следующее? Филипп хочет сказать нечто, и один не смеет, но приглашает и Андрея. Петру нужно задать один вопрос, он знаком предлагает это и Иоанну. Где здесь необщительность, где любоначалие? Да и в чем ином показали бы они себя действительными учениками Христа, кроткого и смиренного сердцем, соделавшегося рабом за нас - рабов Его и во всем воздающего всякую славу Отцу, чтобы дать нам образец порядка и скромности, которую мы до того не уважаем, что я желал бы, по крайней мере, не сделаться дерзностнее всех людей, после того, как мы столько оказываем скромности в предметах и обстоятельствах самых важных? Разве не знаешь, что смирение не столько познается в мелочах (ибо тогда может оно быть только напоказ и иметь ложный вид добродетели), сколько испытывается в делах важных? По мне, смиренномудр не тот, кто о себе говорит мало, при немногих и редко, и не тот, кто униженно обращается с низшим себя, но тот, кто скромно говорит о Боге, кто знает что сказать, о чем помолчать, в чем признать свое неведение; кто уступает слово имеющему власть говорить, и соглашается, что есть люди, которые его духовнее и более преуспели в умозрении. Стыдно одежду и пищу выбирать не дорогую, а дешевую, доказывать смирение и сознание собственной немощи мозолями на коленях, потоками слез, также постничеством, бдением, возлежанием на голой земле, трудом и всякими знаками унижения, но касательно учения о Боге быть самовластным и самоуправным, ни в чем никому не уступать, подымать бровь перед всяким законодателем, тогда как здесь смирение не только похвально, но и безопасно.

"Итак, неужели молчать о Боге? - возразит кто-нибудь из людей горячих. - И ты нам это приказываешь? О чем же и говорить, если не об этом? К чему сказано: *хвала Ему непрестанно в устах моих*, и: *благословлю Господа во всякое время* (Пс.33:1); *истину произнесет язык мой* (Притч.8:7); и *устам моим не возбраню* (Пс.39:12)?" Он приведет и

другие подобные, то же выражающие, и определенные изречения. Такому человеку надобно отвечать с кротостью и без жестких слов, чтобы и тем самым научить благочинию. Не молчать приказываю тебе, мудрейший, а не стоять упорно за свое; не истину скрывать, а учить, сверх закона. Я первый из хвалителей мудрости, первый из упражняющихся или, по крайней мере, желающих упражняться в Божием слове. Я никогда не предпочту этому занятию чего-либо другого, дабы сама Мудрость не назвала меня жалким, как уничижителя мудрости и образования. Впрочем, я избегаю излишества, не даю места неумеренности; согласен лучше быть менее деятельным, нежели пытливым; если нельзя избежать того и другого и сохранить умеренность, согласен лучше быть робким сверх надлежащего, нежели дерзким. А твой поступок почти таков же, как если бы стал меня винить, что совершенно запрещаю тебе употребление пищи, когда не позволяю быть неумеренным в пище, или хвалю слепоту когда советую смотреть целомудренно. *Если имеешь знание, сказано, отвечай* (Сир.5:14), никто не воспрепятствует, *если нет*, наложи узы на уста твои. Тем более прилично это готовым учить. Если время тебе учить, учи, а если нет, то, связав язык, разреши слух. Поучайся в Божественном, но не выходи из пределов, говори о духовном и, если можно, об этом одном, говори чаще, нежели переводишь дыхание (хорошо и богоугодно припоминанием Божественного возбуждаться к Богу), но размышляя о том, что тебе заповедано, не любопытствуй об естестве Отца, об осуществлении Единородного Сына, о славе и силе Духа, о Едином в Трех Божестве, о единой светлости, о нераздельном естестве и исповедании, о нераздельной славе и надежде верующих. Держись выражений, которые приняты тобой с воспитанием, а слово предоставь мудрейшим. Довольно, чтоб в тебе было основание, а надстраивает пусть художник. Довольно с тебя - подкрепить сердце хлебом, а другие снеси уступи богатым. Никто из здравомыслящих не осудил тебя, питающегося недорогими яствами, но осудил, если, пока можешь, не предложишь хлеба и не напоишь водой ученика Христова или кого другого. Не будь *опрометчив в словах* (Притч.29:20), повелевает тебе мудрость. *Не заботься о том, чтобы нажить богатство* (Притч.23:4), не усиливайся быть мудрее мудрого. И то мудрость, чтобы знать самого себя, но не превозноситься и не подвергнуться тому же, что бывает с голосом, который совершенно теряется, если чрезмерно напряжен. Лучше, будучи мудрым, уступать по скромности, нежели, будучи невеждой, надуваться по дерзости. Скорость твоя да простирается только до исповедания Веры, если это потребует от тебя; а в том, что далее этого, будь медлен, ибо там медленность, а здесь поспешность сопряжены с опасностью. Какая беда тебе, если ты не во всяком собеседовании удержишь за собой верх и не при всяком предложении или вопросе будешь иметь первенство, напротив, другие окажутся более тебя мудрыми или смелыми? Благодарение Богу, что дает и превосходные дары, и умеет спасать общими средствами!

Такое чудо усматривается не в рассуждении одного учения, но и в рассуждении самого творения, если ты размышлял об этом. И в ряду тварей первые принадлежат не некоторым, но всем; дар одной твари есть дар общий. И в Вере средства спасения принадлежат не сильнейшим, а желающим. Что превосходнее воздуха, огня, воды, земли, дождей, садовых и лесных плодов, крова, одежды? Но ими все пользуются, иным совершенно, а другим в известной мере, и нет такого притеснителя, который бы один захотел наслаждаться общим даром. Бог для всех равно сияет солнцем, дождит для богатых и бедных, для всех сменяются ночь и день, общий дар - здоровье, у всех общие - предел жизни, мера и красота тела, способность чувств. Даже бедный имеет, может быть, больше, потому что больше благодарит за эти дары и с большим удовольствием наслаждается общими благами, нежели сильные земли - благами избыточествующими. Итак, перечисленные дары общи и равночестны, и служат доказательством Божией правды. А золото, блестящие и дорогие камни, мягкая изысканная одежда, горячащие и раздражающие снеси, излишество имения - приобретаются с трудом и составляют преимущество немногих. То же усматриваю и в отношении к Вере. Всем общи: Закон,

Пророки, Заветы, словеса Заветов, благодать, детовождение, совершенство, страдания Христовы, новая тварь, Апостолы, Евангелия, раздаяние Духа, вера, надежда, любовь как к Богу, так и Божия. И дары эти, не как издревле дар манны неблагодарному и непризнательному Израилю, даются не в меру, но каждому, сколько хочет. Таковы же: восхождение, озарение, малое еще здесь, а яснейшее в чаемой будущности; таково и то, что всего важнее, познание Отца и Сына и Святого Духа, и исповедание первой нашей надежды. Что этого выше и что более общее? За этим же следующее, хотя выше ценится по редкости, но касательно необходимости, занимает второе место. Ибо без чего нельзя быть Христианином, то полезнее доступного немногим.

Иной богат даром созерцания, стоит выше многих, *духовное соображает с духовным* (1Кор.2:13), *пишет трижды* на широте сердца своего (Притч.22:21) слово, назидующее всех, и слово, назидующее многих, и слово, назидующее некоторых вместо многих или всех; он не терпит убожества и проникает в глубину. Такой пусть восходит и путеводится и возносится умом, даже, если хочет, до третьего неба, подобно Павлу, но только с разумом и ведением, чтобы не пасть от превозношения и не растопить крыльев от высоты полета. Кто позавидует похвальному восхождению? Но и какое падение сравнится с падением человека, который уязвлен превозношением и не знает низости человеческого возвышения, не знает того, как далек от истинной высоты даже и тот, кто много возвысился над всеми?

Другой скуден умом и беден в языке, не знает оборотов речи, изречений и загадок мудрецов, Пирроновых способов настоять, задержать, противоположить, Хризипповых приемов решать силлогизмы, злохудожности Аристотелевых ухищрений, обаяний Платонова красноречия, что все, подобно египетским язвам, ко вреду вкралось в нашу Церковь, но и такой имеет средства спастись. С помощью каких же изречений? Подлинно, ничего нет богаче Благодати! Не нужно тебе, говорит Писание, восходить на небо, чтобы совлечь оттуда Христа, ни сходить в бездну, чтобы возвести Его оттуда из мертвых, любопытствуя или о первом естестве, или о последнем домостроительстве. *Близко к тебе*, сказано, *слово* (Рим.10:6-8). Это сокровище имеют ум и язык, первый, если верует, последний, если исповедует. Что удобоносимее этого богатства? Какой дар легче приобрести? Исповедуй Иисуса Христа и веруй, что Он воскресен из мертвых - и ты спасешься. Ибо оправдание - и веровать только, совершенное же спасение - исповедовать и к познанию присовокуплять дерзновение. Чего же большего ищешь ты, кроме спасения? Будущей славы и святости. Для меня весьма важно спастись и избавиться от тамошних мучений. Ты идешь путем непробитым и недоступным, а я - путем протоптанным, и который спас многих. Не было бы, братья, ничего несправедливее нашей Веры, если бы она была уделом одних мудрых и избыточествующих в слове и в умственных доводах, а простому народу надлежало бы также оставаться без приобретения веры, как без золота, без серебра и без всего иного, что дорого ценится на земле и чего многие сильно домогаются, и если бы только высокое и не многих достигающее было любезно Богу и им приемлемо, а близкое и доступное многим - презираемо и отвергаемо Богом. И из людей умереннейшие не потерпели бы не искать почестей, которые им по силам, восхищаться же только почестями высшими; тем паче не потерпит этого Бог, в Котором, ежели многое досточудно, то досточуднее прочего то, что Ему всего свойственнее благодать всем. Не презирай обыкновенного, не гоняйся за новым, чтобы отличиться перед большим числом людей. *Лучше немногое* при безопасности, нежели многое, но ненадежное. Да научит тебя своим советом Соломон (Притч.15:76)! *И лучше бедный, ходящий в своей непорочности* (Притч.19:1), - вот еще одна из мудрых притчей! Скудный в слове и знании, опирающийся на простые выражения и спасающийся на них, как на малой ладье, выше борзого на язык глупца, который с невежеством доверяет доводу ума, а крест Христов, который выше всякого слова, упраздняет силой в слове, где слабость доказательства служит умалением истины.

Для чего летишь к небу, когда назначен ходить по земле? Для чего начинаешь строить столп, не имея, чем его довершить? Для чего меряешь горстью *воду, небо пядью, и всю землю горстью* (Ис.40:12), - меряешь великие стихии, измеримые для одного только Творца? Прежде всего познай сам себя, рассмотри, что в руках. Кто ты? Как ты сотворен и составлен так, что вместе и образ ты Божий, и сопряжен с худшим? Что привело тебя в движение? Какая открывается на тебе мудрость? Какая тайна естества? Как ты описан местом, а ум не отделяется, но, пребывая в том же месте, все обходит? как глаз мал, и достигает до самых дальних расстояний? Или лучше сказать: зрение есть ли приемник видимого или поступление к видимому? Как одно и то же и движет и двигается, будучи управляемо волей? И где прекращение движения? Какое разделение чувств, и как через них ум беседует с внешним и принимает в себя внешнее? Как восприимлет он образы вещей? Что такое сохранение воспринятого - память, что такое возобновление утратившегося - припоминание? Как слово есть порождение ума, и рождает слово в уме другого? Как словом передается мысль? Как посредством души питается тело, и как душа через тело принимает участие в страстях? Как сковывает ее страх, развязывает отважность, стесняет печаль, расширяет удовольствие, снedaет зависть, надмевает гордость, облегчает надежда? Как гнев приводит в ярость, и стыд в краску, первый заставляя кровь кипеть, а другой - отливаться? Как признаки страстей отпечатлеваются в теле? Какое преимущество разума? Как он управляет страстями и укрощает их движения? Как бесплотное удерживается кровью и дыханием? Почему при оскудении последних отходит душа?

Это-то или что-нибудь из этого старайся познать, человек (не говорю еще о природе, о движении неба, о чине звезд, о смешении стихий, о различии животных, о высших и низших степенях небесных Сил, обо всем том, чему уделено созидательное слово, о законах промышленности и управления); но и тогда не скажу: будь смел; напротив, страшись касаться предметов высших, превосходящих твои силы. Особенно же всякое спорное и честолюбивое слово обращается в навык к состязаниям о важнейших предметах. И, как в детях напечатлеваешь первые правила нравственности для того, чтобы они впоследствии избегали пороков, так и в отношении к слову не должно оказывать дерзости и необузданности даже в суждениях о вещах маловажных, чтобы не приучиться к такому злоупотреблению в суждениях о важнейшем. Ибо легче - не поддаться пороку вначале и избежать его, когда он только к нам близок, нежели пресечь и стать выше его, когда он уже сделал в нас успехи; как и камень легче подпереть и удержать вначале, нежели поднять вверх, во время его падения. Но если ты ненасытим и не можешь остановить болезни, то не теряй из виду и помни следующее правило: пусть истощается твое честолюбие на исследование предметов безопасных.

Если же и на то не согласен, и язык твой не терпит узды, ты не можешь преодолеть стремления, но тебе непременно надобно высокоумствовать, не уступать первым Силам (если только и для них нет меры познания) и стать выше, нежели сколько полезно, то не осуждай брата и робости не называй нечестием. Ты, давший обет кротости, не уходи от него стремительно, или осудив его, или отчаявшись в нем; но здесь покажи себя, пока можно, смиренным. Здесь - предпochти брата без вреда для себя, здесь - где осудить и унижить значит отлучить от Христа и от единой надежды, значит обнаружившуюся пшеницу, которая, может быть, делается честнее тебя, исторгнуть вместе с плевелами. Напротив, частью исправь его и притом кротко и человеколюбиво, не как враг или немилосердный врач, который только и знает одно средство - прижигать и резать; частью же познай самого себя и собственную немощь. Что ж, если, имея в глазах загноение или другую какую болезнь, не ясно видишь солнце? Что ж, если тебе кажется все кружащимся, потому что у тебя тошнота или, может быть, ты пьян, между тем свое незнание приписываешь ты другим? Гораздо нужнее подумать и многое испытать, прежде нежели осудишь другого в злочестии. Не одно и то же - срезать растение или какой кратковременный цветок, и человека. Ты - образ Божий, и беседуешь с Божиим образом.

Ты - судящий другого, сам будешь судим; ты судишь чужого раба, которым правит другой. Смотри на своего брата, как будто бы ты сам был судим вместе с ним. Поэтому не скоро отсекай и бросай член, пока неизвестно, не сделает ли это вреда и здоровым членам. Подай совет, *запрещай, увещевай* (2Тим.4:2). У тебя есть правило лечения, ты ученик Христа, кроткого, человеколюбивого и понесшего наши немощи. Если брат в первый раз воспротивился, потерпи великодушно, если во второй, не теряй надежды, - еще есть время к излечению, если и в третий раз, то будь человеколюбивым земледельцем, еще упроси господина не высекать и не подвергать своему гневу бесплодную и бесполезную смоковницу, но позаботиться о ней и *обложить ее навозом* (Лк.13:8), то есть доставить ей лечение исповеди, обнаружения постыдных дел и опозоренной жизни. Кто знает, переменится ли она, принесет ли плоды и напитает ли Иисуса, возвращающегося из Вифании? Потерпи действительное или кажущееся тебе зловоние брата своего - ты, который помазан духовным миром, составленным по мироварному художеству, чтобы сообщить брату свое благоухание. Грех - не такой яд ехидны, от которого тотчас по уязвлении постигает мучительная боль или сама смерть, так что тебе было бы извинительно бежать от зверя или убить его. Напротив, если можешь, излечи брата; а если нет, по крайней мере, сам не подвергнешься опасности сколько-нибудь участвовать с ним в его порочности. Болезнь брата есть какой-то неприятный смрад, и его может быть прогонит перевозмогающее твое благовоние. И тебе можно бы охотно решиться за своего сораба и сродника на нечто подобное тому, что Павел ревнитель осмелился помыслить и сказать, сострадав об израильтянах, то есть чтобы вместо него, если возможно, приведен был ко Христу Израиль, - и тебе, говорю, который часто, по одному подозрению, отлучает от себя брата, и кого, может быть, приобрел бы благосклонностью, того губит своей дерзостью, губит свой член, за который умер Христос. Итак, хотя ты и крепок, говорит Павел, рассуждая о пище, и благонадежен в слове и мужестве веры, однако же назидай брата и *не погуби пищею твоею* (Рим.14:15) того, кто почтен от Христа общим страданием. Ибо хотя здесь и о другом дело, однако же одинаково полезно слово увещания.

Как в древности у мудрых евреев не позволялось молодым людям читать некоторые Священные книги, потому что они не принесли бы пользы душам еще не твердым и нежным; так и у нас надлежало бы постановить законом, чтобы не всякому и не всегда, а только в известное время и известным лицам дозволялось учить о Вере, именно тем, которые не вовсе нерадивы и медлительны умом, и не слишком ненасытимы, честолюбивы и более надлежащего горячи в деле благочестия. Таким людям следовало бы давать поручения, исправляя которые, они не могли бы вредить ни себе, ни другим, а право учить предоставить умеренным в слове, как истинно благоустроенным и целомудренным; простолюдинов же отводить от этого пути и от усилившегося ныне недуга - говорливости, обращать же их к другому безопаснейшему роду добродетели, где и нерадение менее вредно, и неумеренность не противна благодетели. Ибо если бы, как *один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех и через всех и во всех* (Еф.4:5,6), так один был путь ко спасению - путь слова и умозрения, и кто совратился бы с него, тот необходимо во всем стал бы погрешать и совершенно отторгаться от Бога и будущей надежды, то всего было бы опаснее и подавать такие советы, и слушаться их. Но если как в человеческом быту много разности между родами и правилами жизни, из которых одни выше, другие ниже, одни знатнее, другие менее славны, так и в жизни Божественной - не одно средство спасения, и не один путь к добродетели, но многие; да и тому, что у Бога обителей много - изречение, повторяемое всеми и на языке всех живущих, не другая какая причина, но множество путей, ведущих в эти обители, и путей то более опасных и светлых, то смиренных и безопасных; почему же мы, оставив пути безопаснейшие, обращаемся на этот один путь, настолько небезопасный и скользкий, притом ведущий неизвестно куда? Или хотя и не всем прилична одна пища, но каждому нужна своя, по различию возраста и привычек, однако же жизнь одна и та же, слово одно

и то же всем полезны. Я и сам не стал бы утверждать этого и не согласился бы с теми, которые это утверждают.

Итак, если хотите принять совет мой, юноши и старцы, начальники народные и подчиненные, монахи и спасающиеся в общежитии, откажитесь от чрезмерного и бесполезного честолюбия, приближаясь же к Богу жизнью, делами и учением более безопасным, приготовляйтесь к тамошней истине и созерцанию о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь.

Григорий Богослов. Собрание творений: в 2т. Т.1. - Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000, с. 561-583.